

стоятельно раскрыто значение в общественном быту села деятельности производственных коллективов (колхозов и совхозов), в частности освещена важная роль колхозных, совхозных, а также бригадных собраний в повышении социальной активности сельского населения (с. 79). Подробно проанализирована многосторонняя деятельность сельских профсоюзных организаций, продемонстрировано их широкое распространение в сельской местности и активное участие в трудовой и общественной жизни производственных коллективов, в улучшении условий труда и организации отдыха сельских труженников (с. 76, 77). Авторы обращают внимание и на деятельность других общественных организаций, в том числе новых, появившихся на селе в последние десятилетия, таких, например, как сельские комитеты (с. 85). В книге выявлена также специфика сельских праздников.

Глубоко исследуются изменения в сельской семье, в ее экономической и социальной основе, функциях. Авторы дают объяснение таким современным явлениям, как неуклонное повышение престижа женщины, а также изменение положения в семье юношей и девушек, детей младшего возраста. Большой интерес представляют изучение роли семьи в духовном воспитании детей. К сожалению, воспитательные функции современной сельской семьи раскрыты недостаточно полно, в частности не освещена такая важная сторона семейного воспитания, как приобщение детей к посильному физическому труду, физическое воспитание в семье (с. 26—31). Хорошо показано в книге быстрое распространение в селе некоторых новых элементов семейной обрядности, особенно торжественной регистрации браков (с. 56).

Значительное внимание уделяют авторы новым явлениям в духовном облике сельских жителей: росту образовательного уровня, активному участию сельских жителей в работе университетов культуры, в художественной самодеятельности, а также росту атеизма (причем рассматриваются локальные особенности этого процесса).

Весьма тщательно проанализированы изменения и в материальной культуре сельского населения (с. 112—139), намечены основные тенденции их. Выделены новые явления в материальной культуре, ярко отражающие процесс сближения деревни с городом (укрупнение поселений, новые черты в интерьере жилища, современные изменения в одежде, пище).

Рецензируемые научные труды следует оценить как значительное достижение белорусских этнографов. Они свидетельствуют о том, что белорусская советская этнографическая наука вышла на новые рубежи в этнографическом изучении современности. Важно закрепить эти позиции, глубже исследовать этнические процессы в сельской местности и создать обобщающий труд о современных этнических и культурно-бытовых процессах в Белоруссии в целом.

М. Ф. Пилипенко

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Я. Гуревич. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. 359 с.

Известный историк средневековой культуры А. Я. Гуревич опубликовал новую книгу — «Проблемы средневековой народной культуры», которая, как мне кажется, представляет значительный интерес для читателей «Советской этнографии». В этой книге, как отмечает сам автор (с. 7), отчасти продолжает разрабатываться проблематика, уже затронутая в более ранней работе — «Категории средневековой культуры» (М.: Искусство, 1972), но в другом совершенно разрезе — не в категориальной расчлененности, а в слитности, в плане не «анатомии», а «физиологии» культуры. При таком подходе исследователь обращается к неизученному до сих пор должным образом мощному народному пласту, представляющему собой органическую часть единой средневековой культуры.

Для реконструкции структур народного сознания и неявных моделей социально-религиозного «народного» поведения А. Я. Гуревич с особым вниманием анализирует не прямые отражения фольклора в героическом эпосе, сказках, быличках и т. п., а те жанры средневековой литературы, которые создавались духовенством, но с целью популяризации христианского учения среди широких масс и должны были считаться с живущими в народе традиционными и архаическими представлениями. Речь идет о популярных проповедях, легендах о святых (в том числе о «народных» святых, отвергнутых официальной церковью), о «покаянных книгах», «видениях» о загробных хождениях, о жанре «примеров» (exempla), о попытках сугубо популярных богословских трактатов вроде «Светильника» Гонория Августодунского (рубеж XI—XII вв.) и др. Извлеченный автором из этих источников огромный материал, как и сама методика его извлечения и интерпретации, не может не пробудить живейшего интереса у этнолога и фольклориста.

Композиция книги строится как последовательное обращение к анализу различных жанров. Я позволю себе, однако, передать его суть по-другому для более ясного выявления результатов исследования в рамках короткой рецензии.

Многие факты, приведенные в монографии А. Я. Гуревича, прямо свидетельствуют о наличии огромного количества пережитков «языческой» дохристианской культуры. Так, например, обращение «народных» проповедников-самозванцев к паркам, лесным

нимфам или сатирам, упоминания о связи шабаша ведьм с богиней Дианой указывают на романские языческие реминисценции, а использование образов Гульды, фрау Холле и Фриггахольды и сам факт смешения сказочной ведьмы с древнегерманской богиней, равно как и образы оборотней (вервольф), картины сражающихся и неумирающих воинов типа древнескандинавских эйнхерн — все это и многое другое протягивает нить к язычеству древних германцев. В указанных источниках часто упоминаются аграрные обычаи или обычаи проводов покойников, гадания, варварские традиции в «праздничном» потреблении продуктов и т. д. — явления, явно восходящие к дохристианским корням.

Однако книга А. Я. Гуревича отнюдь не сводится к перечню «языческих» пережитков как таковых; в этой области наука успела уже до выхода рецензируемой работы накопить обильный материал. Автор пишет: «Мы находим здесь и отголоски древних мифов и то, что В. Я. Пропп называл „историческими корнями волшебной сказки“, и, наконец, прямые параллели к обрядам и верованиям „примитивных“ племен и народов других континентов. Но главное не в происхождении тех или иных мотивов..., а сам факт их чрезвычайной, можно даже сказать, поразительной живучести в период, казалось бы, безраздельного господства церкви в духовной жизни Средневековья» (с. 153).

А. Я. Гуревича интересует не наличие пережитков язычества как таковых, а так называемое «народное христианство», структура народного сознания, уже освоившего на свой лад христианское мировоззрение. В книге подчеркивается сближение, отождествление в народном мировоззрении языческих и христианских мотивов, например языческой и христианской эсхатологии, языческой колдовской магии и христианских чудес, творимых святыми; обращается внимание на такой факт, как гадание по священным книгам. Автора особенно занимает эта «взаимная соотнесенность» фольклорного и богословского начала, их взаимодействие на основе «традиционных привычек сознания» сохранившихся и после уничтожения старых богов (с. 155). В тексте книги приведены многочисленные примеры этой «соотнесенности».

Исследователя привлекают и такие черты, которые к собственно язычеству прямого отношения не имеют, например идея преимущественного «спасения» после смерти тружеников-земледельцев в «Светильнике» или проявляемое святыми христианское милосердие к пленникам, преступникам в противовес суровому официальному «праву», идеализация «простецов» и т. д. А. Я. Гуревич собирает и объединяет все эти разнообразные факты для выявления таких структур народно-средневекового сознания, которые мы бы назвали общемифологическими. Большая заслуга ученого в данном случае как раз и заключается в выделении, описании (не только в диахроническом разрезе, но и в синхроническом плане) и глубоком анализе этих ритуально-мифологических стереотипов сознания и поведения, которые практически господствуют в народном сознании в эпоху расцвета средневековой культуры. К этой «мифологической» сфере относятся излюбленные в легендах олицетворения (персонификации) добродетелей и грехов, представление о спиритуальных символах как о конкретно-чувственных образах (например, реальные камни, добавляемые на весы к добродетелям в одной из ехемпл), интерес к телесному воскресению, склонность к дуалистическим представлениям «манихейского» типа, подчеркивание в категории причинности момента божественного провидения, своего рода судьбы (а не «исторического» начала: бог как беспощадная судьба). Исследователь обнаруживает здесь логику сопричастия и максимального сближения макро- и микрокосма, приоритет «природного» циклического времени перед «историческим» линейным, дискретное представление о времени при описании потусторонней «вечности» и допущение одновременности, противоречащей линейному телеологизму-финализму, непространственный подход к пространству (ад — под землей и на севере; кстати, ср. соответствующие языческие представления северных народов. — Е. М.), общий принцип познания как повторения и узнавания архетипов.

К тем же мифологическим корням исследователь подводит тенденцию подмены большой эсхатологии (судьба мира после второго пришествия) малой эсхатологией (судьба души непосредственно после смерти индивида). По его мнению, такой примитивный «персонализм» достаточно архаичен и появляется задолго до предренессансной эмансипации личности.

С дуалистической тенденцией народного сознания, с противоборством тела и духа, с «партикуляризацией» небесных сил (с. 289) А. Я. Гуревич связывает природу средневекового гротеска. В народной демонологии, отразившейся в ехемпла, смешное и ужасное перемешаны, трактовка нечистой силы амбивалентна; сакрально-возвышенное дается также в единстве с низовым и грубо материальным. Постоянно происходит смена смешения и противопоставления двух миров, создавая особый гротескно-парадоксальный «карнавальный» стиль религиозного мышления. Всячески подчеркивая значение открытий М. М. Бахтина в области анализа «карнавальности», А. Я. Гуревич вместе с тем ограничивает описанное М. М. Бахтиным вольнодумное преодоление страха смехом в карнавальной обрядности и литературе рамками Ренессанса, когда органическое религиозное мировоззрение было уже сильно расшатано. Позиция А. Я. Гуревича в этом вопросе представляется мне совершенно правильной. Взаимопроникновение демонического и комического находим и в фольклоре культурно-отсталых народностей, в многочисленных образах мифологических плутов, способных на неудачное подражание деяниям культурного героя (что вызывает смеховой эффект) и одновременно ответственных за появление смерти, злых духов и т. п.

В краткой рецензии невозможно передать богатое содержание глубокой и новой по мыслям и выводам работы А. Я. Гуревича. Моей задачей было только привлечь внимание этнографов к этой интереснейшей книге.

Е. М. Мелетинский